

ӨЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ
ХАБАРШЫСЫ

ЖИГИРМА АЛТЫНШЫ ЖЫЛ БАСЫЛЫУЫ

ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

№1 (103)

1986

ФАН

Г. ХОЖАНИЯЗОВ

АНГКА-КАЛА — ПОЗДНЕАНТИЧНАЯ КРЕПОСТЬ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Крепость Ангка-кала расположена в 22 км к северу от г. Турккуля, на землях совхоза имени Горького Каракалпакской АССР.

Название памятника связывают с именем мифической птицы Ангка [1, с. 21].

Упоминание об Ангке-кале появляется в литературе еще в прошлом веке [2, с. 76].

Крепость открыта и обследована в 1938 г. С. П. Толстовым и Я. Г. Гулямовым. Памятник был предварительно датирован III—IV вв. [3, с. 183; 4, с. 115]. При последующих посещениях в 1939 и 1940 гг. производились фотографирование и перспективная зарисовка общего вида крепости. В 1947 г. крепость фотографировалась с воздуха.

В 1981, 1982 и 1984 гг. на памятнике были проведены новые работы [5, с. 470], результаты приведены в данной статье.

В плане крепость имеет форму почти квадрата размером 90,8x91,6, ориентированного углами по сторонам света (рис. 1). Стены крепости, местами закрытые до значительной высоты песчаными барханами, прекрасно сохранились, достигая всюду почти 7—8 м над уровнем окружающей местности. Обе стены (внешняя и внутренняя), образующие коридор, покоятся на пахсовом¹ цоколе высотой около 3,2—5 м. Верх цоколя построен из сырцового квадратного кирпича, размер которого колеблется от 40x40x10 см до 50x50x15 см, уложенный на глиняном растворе толщиной 5—13 см. Толщина внешней стены—2,4—2,7 м, внутренней —2—2,1 м. Ширина стрелкового коридора —2,48—2,73 м.

При сравнительно небольших раз-

мерах крепость укреплена необычно сильно. Въезд находится в середине ее юго-восточной стены, защищен двумя прямоугольными башнями (12x6 м), поставленными друг против друга. Установлено, что ширина проема ворот 1,5 м. По середине каждой из остальных трех сторон крепости располагается по одной прямоугольной башне, средний размер которых 9,2x6 м. На каждом из углов расположено по одной башне квадратной формы (точнее — квадратной с вынутой четвертью) (14x14 м), охватывающей углы крепости с двух сторон. Входы в стрелковые камеры башни ведут из коридора шириной 0,74—0,9 м.

Внешняя стена и башни прорезаны в один ряд бойницами стреловидных форм. Расстояние между бойницами 1,4—1,5 м; ширина щели 0,18—0,24 м; раствор бойниц изнутри 0,5 м, снаружи —1,8 м. С наружной стороны низ бойниц лежит на кирпичной кладке.

Почти на всех кирпичах, перекрывающих бойницы, имеются тамги (рис. 2,1—6). На одном из них вверху «Т» —образной тамги сделана древнехорезмийская надпись из пяти знаков в одну строчку (рис. 2, 7). Знаки прочерчены пальцем глубиной 2—3 мм по сырой глине.

В каждом простенке между башнями, кроме бойниц, имеется по два проема, расположенных в 4—5 м от башни. Они были прорезаны полуциркульными сквозными арками, шириной 0,8 м, высотой 1,5—1,75 м. Их нижний край — соответствует нижнему краю бойниц. Все арочные проемы заложены сырцовыми кирпичами таких же размеров, как и в кладке самой стены. Для расклиники трапециевидных кирпичей арки были применены обломки сегнок хумов и хумчай позднеантичного типа.

¹ В. Л. Ворониной ошибочно принято, что стены Ангка-калы сделаны целиком из сырца [6, с. 89].

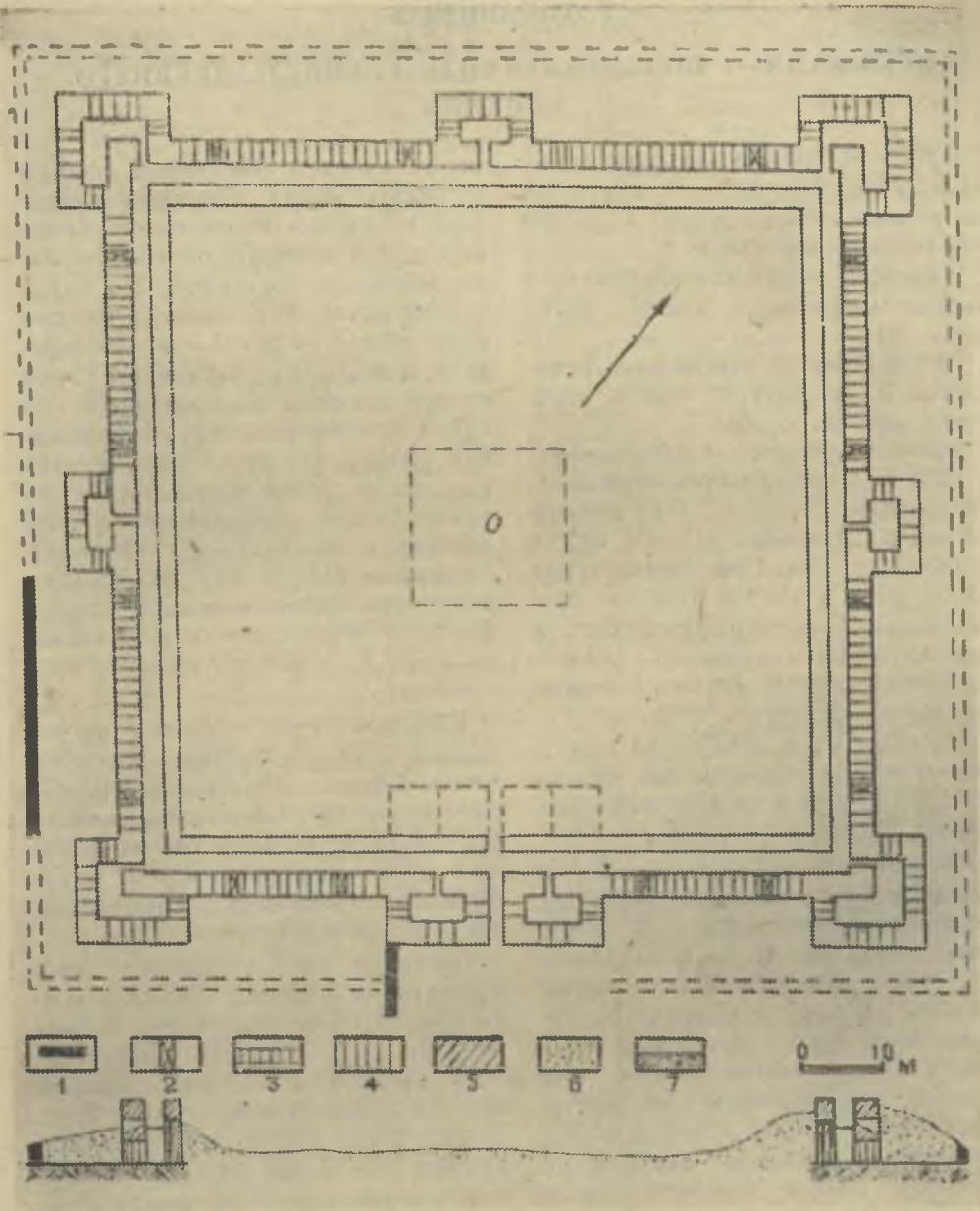

Рис. 1. Ангка-кала. План и разрез. 1 — протейхизма, 2 — проемы на внешней крепостной стене, 3 — стрелковые бойницы, 4 — пахсовая стена, 5 — стена из сырцового кирпича, 6 — надувной песок, 7 — материк.

При обследовании в 1939 г. С. П. Толстовым было выяснено, что двор крепости почти свободен от застройки. По обе стороны ворот к внутренней стороне юго-восточной стены примыкают остатки двух помещений площадью 12,5x6 м [4, рис. 50]. В центре двора находился низкий квадратный плоский бугор (18x18 м). В середине его располо-

жен колодец, по краям обложенный камнями.

Между южной угловой и юго-западной средней башнями обнаружена протейхизма, сделанная из пахсовых блоков. Высота ее в настоящее время около 2 м, ширина — 0,8—1 м. Она расположена в 10 м от крепостных стен. Протейхизма прослеживалась также и на юго-

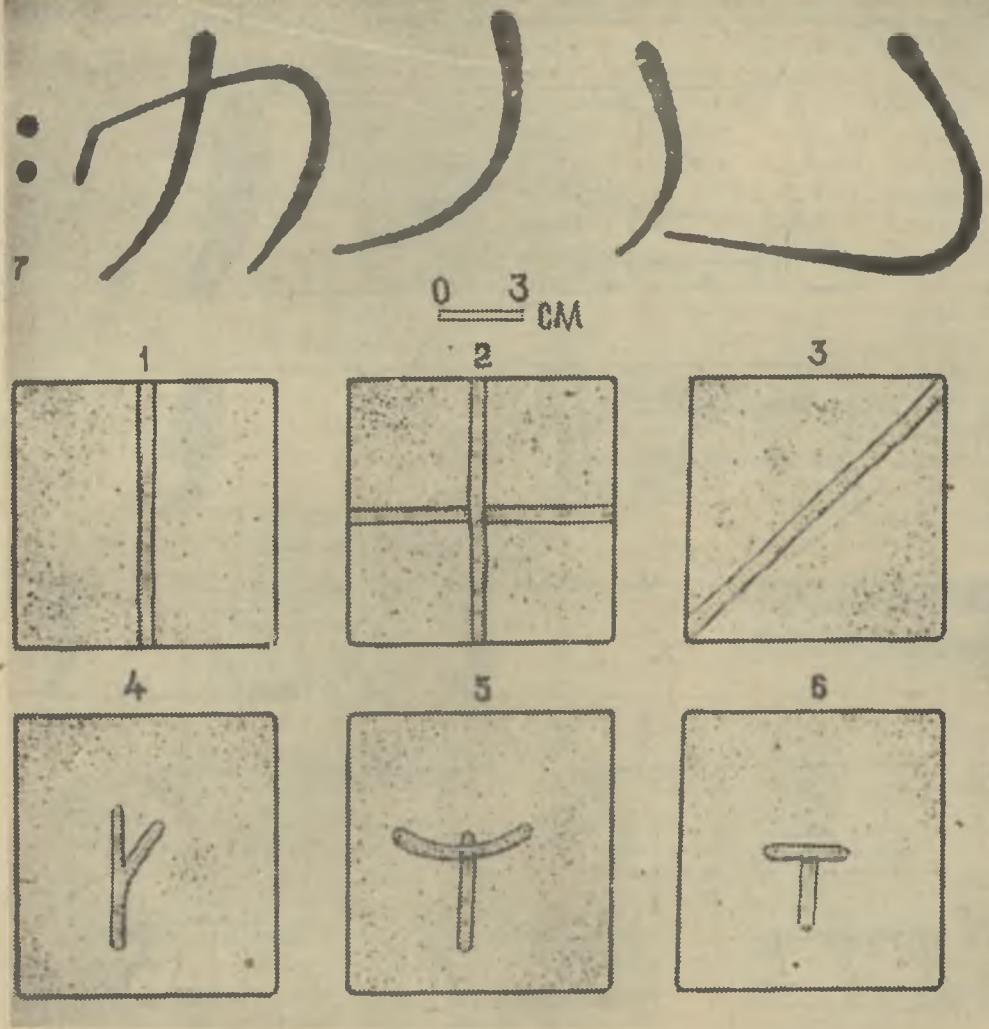

Рис. 2. 1—6—тамга на сырцовых кирпичах, 7— древнекоремийская надпись на сырцовом кирпиче.

восточной стороне, где она примыкает к южной привратной башне.

При зачистках в стрелковом коридоре и камерах башни получен керамический материал. Собраны также подъемные керамические материалы. Анализируемая керамика представлена следующими основными формами: хумы (рис. 3, 1, 2, 10, 11), хумча (рис. 3, 3, 6, 12), кувшин (рис. 3, 8, 14); миска (рис. 3, 5, 13, 15), горшок (рис. 3, 4, 7, 16). Имеется и лепной горшок (рис. 3, 9). Эти формы находят прямые аналогии в комплексах керамики среднего и верхнего горизонта. Койкырган-калы, датиру-

емых II—IV вв. [7, табл. IX, 101; X, 115]; в керамике Куня-Уаза, датируемой I—II и III—IV вв. [8, рис. 32, 24, 27, 31; 34, 8; 35, 19]; в комплексе керамики второго строительного горизонта Ток-калы, датируемой I—III вв [9, рис. 9, 1, 3, 43]; в керамике Тобрак-калы, датируемой I—II и III—IV вв [10, рис. 10, 57; 39, 22, 36; 40, 62; 11, рис. 94, 27, 28, 29; 75]; в керамике Аязкалы 3, датируемой I—II вв. [8, рис. 32, 18]) и в комплексе керамики Джанбаскалинских поселений I—III вв. [12, рис. 13, 5; 14, 1]. На основании приведенных аналогий считаем возможным отнести Ангка-

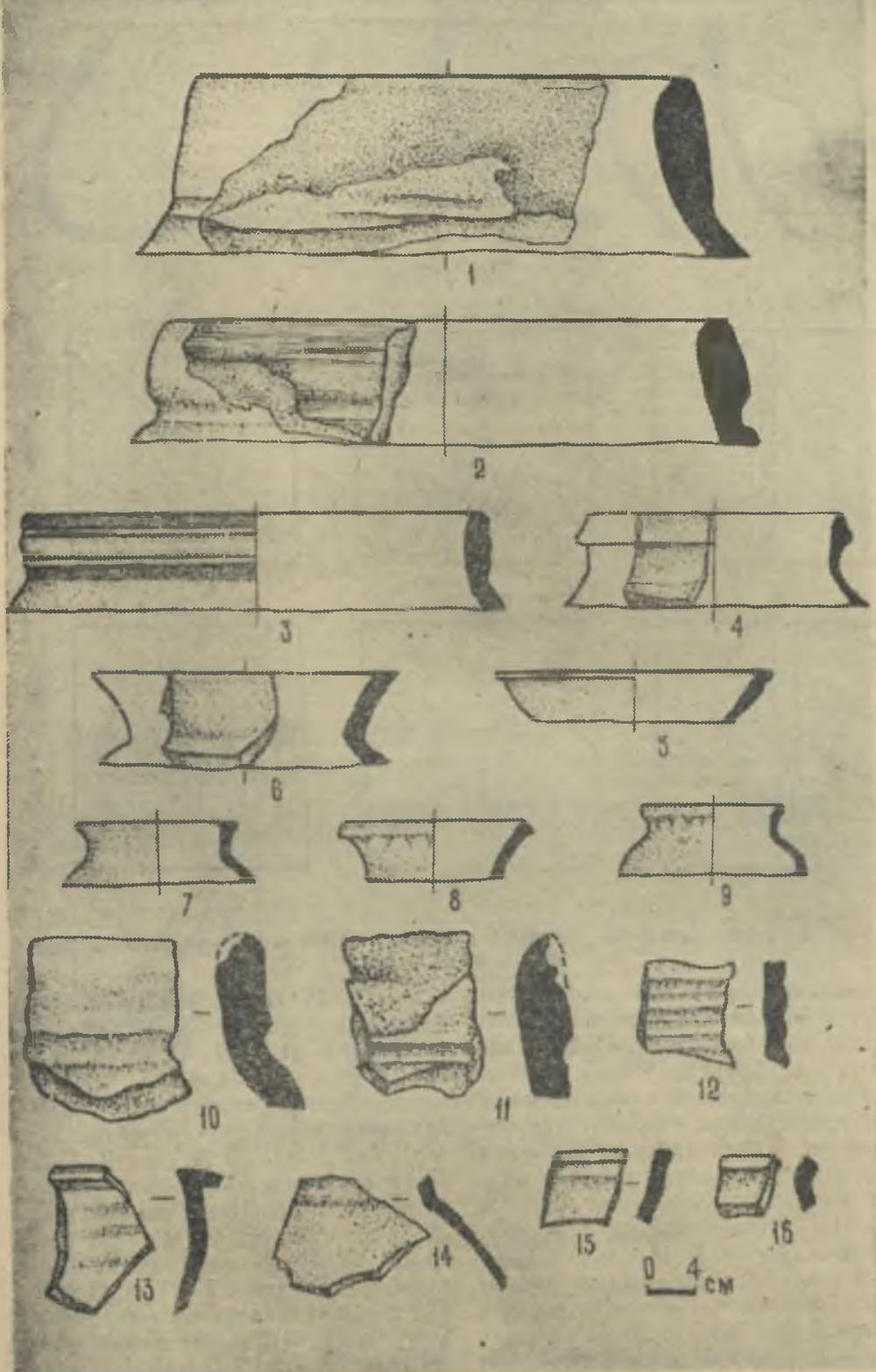

Рис. 3. Керамика.

калу к I—III вв. н. э. Особенности фортификации не противоречат этой дате. Что касается угловых башен Ангка-калы, то следует отметить, что аналогичный тип башен в Хорезме появляется в более раннем времени, чем предполагалось [4, с. 113]. Например, на Топрак-кале, представляющей в плане прямоугольник, как и на Ангка-кале, башни (I—III вв) охватывают углы крепости с двух сторон [10, с. 68—69, рис. 38]. Недавно точно такие же башни обнаружены в городище Казаклыяткане, которое по предварительным данным относится к IV—III вв. до н. э.²

Обнаруженные фрагменты керамики вокруг колодца и у входа в укрепление по тесту и по качеству выделки относятся к X—XII вв.

Ангка-кала, —как отметил С. П. Толстов, представляет большой интерес для истории древней хорезмийской фортификации [4, с. 113]. Поэтому обратимся к общей характеристике ангакалинских фортификационных сооружений.

Основным строительным материалом крепостных стен и башен были пахса и сырцовые кирпичи.

Квадратная планировка широко известна в архитектуре древнего Хорезма и выявлена как в ранних, так и в поздних памятниках античности (Турпак-кала III, Базар-кала, Гяур-кала 1 и 2, Кюнерли-кала, Джильдык-кала и Дворец Топрак-калы).

В общей планировке и приемах фортификации Ангка-калы отмечено большое сходство его с бактрийской крепостью Кум-тепе, что свидетельствует об определенных историко-культурных связях этих государств [14, с. 72]. Однако, Ангка-кала имеет и отличительные черты, в частности, проемы, расположенные между башнями во внешних крепостных стенах. В литературе высказано два мнения об их использовании. В свое время С. П. Толстов полагал, что они были предна-

заны для вылазок [4, с. 115]. Позже М. С. Лапиров-Скобло писал, что они служили в качестве оконных проемов [7, с. 280]. Эти интерпретации, нам кажется, неубедительны и вызывают сомнения. Во-первых, места расположения проемов на такой высоте (около 4 м от окружающей местности) и их большое количество (16 шт.) для такого небольшого укрепления (0,82 га), по-видимому, не rationalны для вылазок. А что касается второго предположения, то надо отметить, что в античных крепостях Хорезма, как уже известно, осветительные проемы были небольшими и располагались они, обычно, очень высоко от поверхности пола стрелковой галереи. В Гяур-кале, например, световые окна (42x42 см), во внутренних стенах стрелкового коридора находятся на 4 м выше уровня пола [14, с. 351]; в Кургашин-кале в камерах башни—3 м [15, с. 41]; в Койкрылган-кале в помещениях центрального здания —3,5 м [7, с. 282, рис. 113].

Таким образом, однако, не оспаривая утверждений С. П. Толстова и М. С. Лапирова-Скобло, считаем, что проемы имели и другое значение, в частности, оборонительное.

Как известно, развитие фортификации всегда соответствовало уровню состояния военной и строительной техники. Поэтому прежде всего важно установить современные укрепления виды оружия и технику боя.

Почти во всех укрепленных сооружениях как в древнем Хорезме, так и в других областях Средней Азии во время археологических работ были найдены и обнаруживаются по сей день многочисленные каменные, керамические и глиняные ядра. По определению специалистов, все эти ядра (зависимо от объема и веса)³, предназ-

² Их вес от 100—140 до 1160—1210 гр., при диаметре от 44—55 до 78—100 мм [18, с. 13—21].

³ Данные автора.

начены для пращи или для метательных аппаратов⁴ [7, с. 137—139; 9, с. 17; 16, с. 23; 17, с. 105]. Метательные аппараты употреблялись против осадных сооружений и больших масс войск, одновременно метательные машины вели борьбу с орудиями противника [21, с. 28]. Однако следует отметить, что метать керамические или другие ядра через бойницы, предназначенные для лучника, неудобно и трудно. Исходя из этого, вполне можно было предположить, что в таком случае внешняя стена должна была иметь специальные проемы типа ангкакалинских, устроенных через конкретные расстояния и предназначенные для пращи и метательных аппаратов.⁵ В случае осады крепости неприятелями, вполне возмож-

⁴ Кроме круглых ядер были и четырехгранные керамические пирамидки, которые разбрасывались вокруг крепостных стен против конницы [19, с. 59—64, рис. 32—33], как и римские метатлические рогульки [20, с. 64].

⁵ О времени возникновения в Средней Азии пращи и метательных аппаратов пока ничего определенного сказать нельзя. Однако, характерно что в Аве сте пращи как боевое оружие, по мнению Б. А. Литвинского, уже фигурируют [22, с. 42].

Ко времени Александра Македонского использование пращи засвидетельствовано письменными источниками греческих и римских авторов. По данным Курция, например, в составе войск Дария III был отряд воинов, вооруженных пращами: Александр при осаде Кирополя (Уратюбе [23, с. 241]) был «тяжело поражен в голову и шею камнем» [24 с. 203, 275].

Обнаруженные ядра со следами пожара в Койкрылган-кале и Ток-кале, по мнению исследователей, принадлежали осаждавшим крепости [7, с. 61; 9, с. 17].

В античное время праща, как боевое оружие, использовалась и в других регионах, как оседлоземледельцами так и кочевниками [25, с. 188; 26, с. 75; 27, с. 99].

К раннесредневековью относится пенджикентская настенная роспись с изображением манджаника (метательный аппарат Г. Х.) В известном словаре ал Хорезми (Х. в.) «Ключи знаний» приводятся специальные термины, связанные с конструкцией манджаника [28, с. 215, 216, 218].

но, зависимо от обстоятельств, что определенные проемы должны открываться и через них защитники должны метать ядра в сторону противника. Для этого противотушевые стены — протейхиумы возводились на прицельное расстояние и, вероятно, оконтуривали укрепление со всех сторон.

В пользу нашей гипотезы говорит и другое обстоятельство, что все эти проемы расположены вплотную к башням. С одной стороны башни перекрывают путь для неприятелей к проемам с помощью фронтальных обстрелов, а с другой стороны — они же создают безопасность для ядрометчиков.

Аналогичные проемы, служившие для оборонных целей известны в древней фортификации Средней Азии и Афганистана. Они отмечены, например, в Бактрии (Дильберджин, Топрак-кала, Кейкобад-шах и Жига-тепе) и в Согде [29, с. 142, 146; 30, с. 78, 79; 31, с. 63, рис. 6, а, б, е; 32; с. 184].

Проемы с подобными назначениями были обнаружены в цитадели Дура-Европосе и в фортификационных сооружениях элинистического периода Малой Азии [33, р. 2].

По археологическим данным метательные аппараты в Средней Азии ставились и на специальных площадках, сделанных на самых уязвимых участках укреплений. В Гяур-кале Мервской, например, обнаружена у ворот площадка с большим количеством ядер для метательной артиллерии [34, с. 44].

Констатируя вышесказанное, отметим, что в античное время праща, возможно, и метательный аппарат входили в основной комплекс вооружений воинов среднеазиатского региона, в том числе и у хорезмийцев и были использованы как в наступательных, так и в оборонительных целях.

Зашита ворот двумя башнями является одним из древнейших приемов в истории фортификации Хорезма (Кюзели-гыр). В античный

период, особенно в «кушанское» время, они, наряду с предвратными лабиринтами, получают широкое распространение. При этом применяются как полуovalные, так и четырехугольные формы башен.

В других историко-культурных областях Средней Азии также известны аналогичные приемы защиты ворот, в частности, в Бактрии, Согде и в Парфии [29, с. 114; 35, с. 19; 36, с. 61].

Обнаруженные протейхизмы в Ангка-кале еще раз доказывают то, что это один из присущих элементов фортификации Хорезма, применявшимся в течение всего античного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
2. Лохтин В. Река Аму и ее древнее соединение с Каспийским морем. СПб., 1876.
3. Толстов С. П. Древнехорезмийские памятники в Каракалпакии.— ВДИ, 1939, № 3.
4. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
5. Жожаниязов Г., Манылов Ю. Исследования в Южном Хорезме.— Археологические открытия 1981 года. М., 1983.
6. Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма — ТХАЭЭ, т. 1. М., 1952.
7. Койрылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.— ТХАЭЭ, т. V. М., 1967.
8. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
9. Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
10. Городище Топрак-кала.— ТХАЭЭ, т. XII. М., 1981.
11. Топрак-кала. Дворец. — ТХАЭЭ, т. XIV. М., 1984.
12. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
13. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Воруше). — КСИИМК, вып. 64, 1954.
14. Рапорт Ю. А. и Трудновская С. А. Городище Гяур-кала, — ТХАЭЭ, т. II. М., 1958.
15. Жожаниязов Г. Оборонительные сооружения городища Кургашин-кала, — Археология Приаралья, вып. II, Ташкент, 1984.
16. Заппаров Ш. Х. Ртвеладзе Э. В. Раскопки древнебухарского поселения Талашкан-тепе I, — Бактрийские древности, Л., 1976.
17. Пугаченкова Г. А. Раскопки южных городских ворот Дильберджина, — Древняя Бактрия, вып. 3, М., 1984.
18. Ширинов Т. Каменные ядра Сапалли-тепе, — ИМКУ, вып. 13, 1977.
19. Усманова З. И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ, 1954—1956 гг.), — ТЮТАКЭ, т. 12, Ашхабад, 1963.
20. Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1895.
21. Кирпичников А. Н., Воронина Н. Н., Косточкин В. В., Хлопин И. Н. Метательная артиллерия и оборонительные сооружения древней Руси, — МИА, 77, 1958.
22. Гафуров Б. Г., Цибукидзе Д. И. Военное дело у народов Средней Азии в VI—V вв. до н. э., — ВДИ, 1966, № 3.
23. Гафуров Б. Г., Цикудис Д. И. Александра Македонский. М., 1980.
24. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского, М., 1963.
25. Античные государства Северного Причерноморья, М., 1984.
26. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, вып. 101, 1961.
27. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья, Киев, 1968.
28. Беленицкий А. М., Маршак Б. М. Древнейшее изображение осадной машины, — Культура Востока, Л., 1978.
29. Древняя Бактрия, вып. I, М., 1976.
30. Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. Оборонительные сооружения городища Кейкобад-шах, — КСИИМК, вып. 64, 1956.

31. Пугаченкова Г. А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.). — Древняя Бактрия, вып. II. М., 1979.
32. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб. — Советская археология, 1969, № 1.
- Hopkins. The fortifications The Excavations of Dura Europos. Preliminary report of fifth season of work, ed M-1. Postaver-ef. New Haven. 1934.
34. Филанович М. И. Гяур кала, —
35. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда (VII—VI вв. н. э. — VII в. н. э.). — АКД. М., 1981.
36. Кошелечко Г. А. Парфянская фортификация. — Советская археология, — 1963. № 2.
37. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья, М., 1969.

Summary

The results of the work carried out in 1981 at the Angka Kala fortress dated from 1—3cc. D. C. are presented in the article.

К. М. МАҚСЕТОВ.

Н. ДӘҮҚАРАЕВ ҲӘМ ҚАРАҚАЛПАҚ ФОЛЬКЛОРИСТИКАСЫ.

Н. Дәүқараев қарақалпақ фольклоры ҳақында ең дәслепкі илимий мийнетлерди жазған, қарақалпақ айыз әдебиятының тарихый дереклерин, оның айтышыларын, тематикасы менен түрлери; қарақалпақ совет фольклорын бириңши ирет изертлеген илимпаз. Қарақалпақ фольклоры тарауында илимий пикирлериниң салмагы ҳәм құны жағынан, толықылығы ҳәм көнділік жағынан Н. Дәүқараев қарақалпақ фольклористикасының жаңа дәүирдеги бағланышыларынан есапланады. Ол Марксизм-Ленинизм классиклериниң мийнетлерине сүйене отырып, КПСС тиң әдебият ҳәм искусство ҳақындағы қараптарын басшылықта ала отырып, сондай-ақ рус ҳәм тууыс қан халықтар фольклористикасының совет дәүириндеги фольклор бойынша мийнетлерин уйрене отырып, бириңилдерден болып қарақалпақ фольклоры ҳақында толық бир үлкен илимий мий нет дөретti.

Бундай құнлы мийнетти дөретиүүшін ол узақ үақыт жемисли мийпет етти. Оның қарақалпақ фольклоры бойынша дәслепки мийнетлери 30-жылларды жазылған еди. Н. Дәүқараевтың «Қарақалпақ поэзиясы ҳақында» деген мақаласы 1936 жылы «Қызыл Қарақалпакстан» (№ 301, 302) газетасында, «Қарақалпақ фольклоры» 1936 жылы «Қенес муғаллими» (№ 115, 116), «Алпамыс» дәстаны» статьясы 1938 жылы «Қызыл Қарақалпақстан» (№ 84) газетасында, «Қарақалпақ поэзиясы» статьясы 1939 жылы «Қарақалпақ әдебияты ҳәм искусство» № 31 журналында, «Дружба народов СССР» китабының (№ 3) мазмұнында, «Литература и искусство Узбекистана» альманагының 1939 жылғы 7—8 санларында, «Қарақалпақ әдебиятының тарихы же-

ниде» статьясы 1940 жылы «Қызыл Қарақалпакстан» газетасында (№ 2981) басылған еди.

50-жыллардың басында Н. Дәүқараев узақ излений, терен изертлеү, теориялық материаллардан кеңнен пайдаланаған нәтийжесинде докторлық диссертация ушын үлкен «Қарақалпақ әдебияты тарихының очеркleri» атты көп жыллық илимий мийнетин жазып піткерди. Уш китаптан туратуғын бил илимий мийнеттиң бириңин китабы қарақалпақ фольклорына, екінши китабы революцияға шекемги қарақалпақ әдебиятына, ушинши китабы қарақалпақ совет әдебиятына арналған еди.

Автор өлгеннен кейин 1959 жылы оның жоқарыдағы аталаған докторлық диссертациясының фольклорға, революцияға шекемги әдебиятқа арналған китаплары қысқартылып бир китап болып рус тилинде Өзбекстан Илимлер академиясының баспасында Ташкентте «Очеркки по истории дореволюционной каракалпакской литературы» деген ат пenen басылып шықты. 1961 жылы усы китап Нокисте қарақалпақ тилинде басылып шықты. ӨзССР Илимлер Академиясы Қарақалпақстан филиалының Н. Дәүқараев атындағы тарих тил ҳәм әдебият институтының қарақалпақ совет әдебият бөлімі Н. Дәүқараев шығармаларының торт томының академиялық толық жынысагын баспаға таярлауды планластыруды. Оның уш томы қарақалпақ тилинде басылып шықты. Екінши, айызеки халық творчествогына арналған томы 1977 жылы «Қарақалпақстан» баспасында басылды. Бул томды баспаға таярлаганлар Жаңабай Нарымбетов, Қырғай Байпиязов ҳәм Исмайлов Қурбанбаев. Китапқа улыұма Н. Дүқараевтың қарақалпақ әдебияты жөнинде мий-

УДК 902/904

БЕЛОЕ ХАНАКО В СРЕДНЕВЕКОВОМ ХОРЕЗМЕ

© 2018 г. Г. Хожаниязов

В статье описываются новые материалы об уникальном объекте средневекового Хорезма. Комплекс под названием «Белое ханако» построен в Миздахкане в честь Сейда из потомков пророка шейха Сулаймана Хадади Мусевия и находится на территории Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан). В комплекс, кроме ханако, входят летняя и зимняя мечети, кухня и другие помещения. Анализ собранного материала из раскопа позволяет выделить в жизни данного объекта хорезмшахский (XII–начало XIII вв.) и золотоордынский (XIII–XIV вв.) периоды. Изучаемый объект, устроенный по типу общественно–культовых сооружений средневековой Центральной Азии.

Ключевые слова: археология, Белое ханако, Хорезм, Миздахкан, городище Каракалпакстан (Узбекистан).

Среди культовых зданий ислама особое место принадлежало ханако. Они появляются по мере формирования суфизма, упоминаются уже в X веке и получают значительное распространение в Хорасане, Мавераннахре в XI–XII вв. По свидетельству письменных источников и археологических материалов, в XI–XIV веках ханако воздвигаются на территории средневекового Хорезма. Жители районного центра Ханка Хорезмской области Республики Узбекистан хранят в своей памяти много легенд из истории города. По этим рассказам, город Ханка в древности назывался другим именем, которого они не знают. В этом городе имеется ханако, построенное для сына или племянника знаменитого ясевийского шейха Сеид-ата. Во время монгольского нашествия город Ханка был разрушен и в нем уцелело только ханако, вокруг которого впоследствии возродилась жизнь. С тех пор город стал называться «Хан(а)ка» (Ханка). Эта легенда, очевидно, соответствует исторической действительности; у Абулгази (XVII в.) и авторов хивинских хроник (XVIII–XIX вв.) название города пишется не просто Ханка, а Ханакох (Гулямов, 1957, с. 144).

Побывавший в 1333 году в Хорезме арабский путешественник Ибн Батута упоминает, что Ургенч – цветущий город с богатыми рынками; особенно выделяются медресе Кутлуг Тимура, мечеть и ханако Тюрабек ханум, три загородных ханако (завия)-шейх Наджмеддин Кубра, Джелаладдина ас Самарканди и Абулкасима аз Замахшари. Кутлуг Тимур построил два ханако и учредил в пользу каждой из них вакфы, включающие в свои состав общинные земельные угодья и каналы.

В ханако, выстроенном над могилой шейха Наджим-ад-дина ал Кубра, для приезжающих и уезжающих всегда найдется пища.

Известно, что в честь путешественника был организован прием в ханако Тюрабек ханум (Тизенгаузен, 1884, с. 309–310; Якубовский, 1930, с. 16; Маньковская, Булатова, 1978, с. 76; Гулямов, 1957, с. 103, 169–170).

Археологически изучены ханако в Куня Ургенче, Кават кале, Наринджане, Миздахкане и в других городищах средневекового Хорезма. Ярким примером подобных сооружений Хорезма могут служить, средневековое ханако в городище Миздахкан (рис. 1а, б), которое находится в Ходжейлийском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан).

Городище Миздахкан площадью в 250 га согласно письменным источникам X века был центром двенадцати тысяч замков. По величине он является третьим городом в средневековом Хорезме. В настоящее время в него входят: развалины древнего и средневекового города, древний и средневековой некрополь и другие археологические объекты. На территории некрополя сохранилось ханако. Оно в плане прямоугольник размером 17×19 м (рис. 1вг). Стены возведены из сырцового кирпича (26–27×26–27×5–6 см). Главный фасад обращен на юг и оформлен «П» образным порталом. Проход осуществлен с помощью маршевой лестницы.

В основе здания – пересекающаяся с юга на север и с запада на восток крестообразная планировка. Пол выложен шлифованным кирпичом, по верху обмазан алебастровой штукатуркой. По четырем сторонам центрального зала (5,7×5,7 м), некогда перекрытого куполом, расположены широкие и глубокие стрельчатые ниши, две из которых глухие, а две – сквозные. В нишах, лежавших направо (на восток) и налево (на запад), имеются невысокие суфы. Кроме ниш по четырем бокам центрального зала расположены четыре помещения (№ 7А, В, Е, Н) и длинный коридор,

ведущий в хозяйственную часть комплекса. В помещения 7 А ($4,7 \times 3,5$ м), где сохранились остатки деревянных стоек и порога от двери, тамбур, который с двух сторон (северной и южной) ограничен деревянными порогами, суфа, камин, ташна (рис. 2в). Ташна облицована жжеными кирпичами. В середине помещения находится очаг, сделанный из сосуда диаметром 36 см. Стены некоторых помещений расписаны различными рисунками и надписями. Среди рисунков встречаются изображения людей, животных (конь), птиц (голуби, утки и др.), лодки с парусами и рулем, управлением, различные знаки (7БД) изображения человека и арабские надписи.

Вокруг ханако расположено несколько жилых, хозяйственных и подсобных помещений (№№ 10–17). Среди них особо следует отметить кухню.

Кухня (№ 9) с несколькими очагами, с отдельными топками, где приготовлялась трапеза. На очагах сохранилось несколько котлов из талькохлорита. Обнаружены также тандыр хорошей сохранности, закрома. Северная и восточная стены, где расположена кухонная утварь, облицованы поливными керамическими плитами размерами $18 \times 18 \times 3$ см (рис. 2а,б). При кухне имеется кладовка-подсобка (пом. 8 и 10). С южной стороны кухни расположено помещение (№ 10) с суфой, ташнау, очаг, канн и другие помещения, которые, возможно, служили для проживания обслуживающего персонала. Все помещения между собой были связаны проходами и узкими коридорами. Некоторые имели отопительные системы (каан), суфу, ташнау, полки, сделанные с помощью прутьев, и др.

Вскрыты банная комната (№ 8) и тааратхана (№ 9) с элементами внутреннего интерьера: суфа, отопительные системы (каан), скамейка, этажерка, два камина, очаг с котлом, ташнау с канализацией (рис. 2в,г). Кроме того, в комплексе вскрыто еще несколько помещений, часть которых, очевидно, была предназначена для постоя паломников, приходивших к Миздахканской святыне.

С юго-западной стороны ханако имеется «белое здание» (№ 3) в плане квадратной формы ($10,5 \times 10,5$ м), с квадратным залом ($8,2 \times 8,2$ м). Перекрытие купольное, от которого сохранилось лишь его основание. Парадный проход здания находится в середине южной стены и оформлен коридорообразной конструкцией со сводчатым перекрытием, второй – в середине западной стены, третий – в восточной стене.

Установлено, что при строительстве данного здания было снесено одно из помещений (7Н) ханако.

В комплекс ханако входили летняя и зимняя мечети с открытыми дворами, полу-подземный мавзолей, подсобные и хозяйственныe помещения и другие сооружения. Летняя мечеть (№ 1) представляет собой многоколонный зал площадью 17×15 м. Ее фасады архитектурно не обработаны – это глухие кирпичные стены. Стены мечети с внутренней и внешней стороны обмазывались штукатуркой. В южной стене мечети обнаружена уникальная двойная михрабная ниша прямоугольной формы, оформленная сталактитами и резным орнаментом. Восточная ниша (начало XII–XIII в.) оформлена системой сталактиков, по бокам обведенная двойной куфической надписью. Текст нанесен по периметру П-образной рамки михрабной ниши. Буквы вырезаны из ганчевых блоков прямоугольной формы, последовательно смонтированных вокруг михраба. Почерк – куфи – декоративных очертаний, напоминающий монетные легенды XI веков. На фоне надписи вырезан орнамент в виде растительных побегов, которые завершаются трилистниками (рис. 3а,б). Этот узор также характерен для архитектурной эпиграфики региона Центральной Азии той же эпохи.

Текст в михрабе представляет собой фрагмент из Корана (22:78). Сохранившийся кусок надписи подчеркнут в оригинальном тексте аята и в переводе: «И усердствуйте об Аллахе достойным его усердием! Он избрал вас и не устроил вас в религии никакой тяготы, как и в общине отца вашего, Ибрахима. Он назвал вас мусульманами раньше и в это (время), чтобы посланник был свидетелем для вас, а вы были свидетелями для людей. Выполняйте же молитву, давайте очищение и держитесь за Аллаха! Он – ваш покровитель. И прекрасен покровитель, и прекрасен Помощник!».

Аналогичные мечети с священным местом михрабом, базами колонн известны из средневековых памятников Хорезма Шах-Санеме [Рапорт, 1958, с. 417], Куня Ургенче [Вактурская, 1958, с. 481–482], в Дэвкескене [Пугаченкова, 1963, с. 126].

Западная михрабная ниша (XIII–XIV вв.) состоит из геометрических орнаментов. Почти вся орнаментация раскрашена в желтый, белый и красные цвета.

Пол из жженого кирпича ($25 \times 26 \times 28$ – $30 \times 25 \times 26 \times 28$ – $30 \times 4 \times 5$ см), на нем 16 четы-

рехугольно-ступенчатых и круглых колонн базы из талькохлорита и песчаника.

Зимняя мечеть (№ 2) находится между ханако и летней мечетью. Мечеть в плане прямоугольная (15×13 м) пристроена к восточной стене летней мечети, между собой они сообщаются двумя проходами, находится рядом с западной стороны ханако. Стены мечети возведены исключительно из жженого кирпича ($23-24 \times 23-24 \times 4$ см). Главный вход направлен на север и оформлен сводчатым входом. Зал мечети прямоугольник ($13,4 \times 11,4$ м). Михраб расположен в середине южной стены. Пол выложен жжеными кирпичами. Он уникален тем, что здесь на некоторых колоннах базы из песчаника сохранились остатки деревянных стояков. Диаметр 0,3 м, сохранившая высота 1–1,5 м.

Южное крыло всего комплекса занимает двор (42×34 м), огражденный сырцовой стеной и предназначенный для чтения джума-намазов во время праздников Навруз и Хайит байрам.

Время возведения и функционирования Комплекса ханако Сулейман Хадади согласно нумизматическим (Текеш, 1172–1200, Узбек, 1326–1327, Джанибек, 1341–1342, Бердигек,

1358–1359 гг.) и археологическим материалам и датируется XII–XIV веками.

В XII–XIII вв. возводятся ханако и летняя мечеть. Во второй половине XIII–XIV в. с юго-западной стороны ханако было пристроено здание № 3. При его строительстве было снесено одно из помещений № 7Н ханако. Установлено, что белое здание № 3 согласно вакуфному документу Кутлуг Тимура от 1349 года является «Белой ханако», построенной в Миздахкане в честь Сейда из потомков пророка шейха Сулеймана Хадади Мусевия [Гулямов, 1957, с. 129, 169]. Возможно, частично открытые полуподземные сооружение (7К) являются усыпальницей самого шейха. В этот период в летней мечети появился новый михраб, прежний был заложен. Возводится зимняя мечеть и несколько помещений служебного характера. Таким образом, раскопанная часть мечети в западном краю комплекса по археологическим и нумизматическим данным датируется второй половиной XIII–XIV в.

В целом открытый Комплекс «Белое ханако» дает немало новых сведений по общественно-культовым сооружениям XII–XIV вв., а также свидетельствует о том, что городище Миздахкан является одним из суфийских центров средневекового Хорезма.

ЛИТЕРАТУРА

- Вактурская Н.Н.* О раскопках 1948 г. на Шемахе кале // ТХАЭ, Т. I, 1952.
- Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Издательство Академии Наук Узбекской ССР, 1957. 313 с.
- Маньковская Л.Ю., Булатова В.А.* Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978. 192 с.
- Пугаченкова Г.А.* Материалы к истории Хорезмского зодчества // МХЭ. Вып. 7. 1963. С. 118–137.
- Рапопорт Ю.А.* Раскопки городища Шах Санем в 1952 г. // Тр. ХАЭ Т. II. М., 1958. С. 397–420.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1., СПб., 1884. 289 с.
- Якубовский А.Ю.* Развалины Ургенча / Известия ГАИМК. Вып.2. Т.4. Л.: ГАИМК, 1930. 73 с.

Информация об авторе:

Хожаниязов Гайратдин, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского Отделения Академии наук Республики Узбекистан (г. Нукус, Узбекистан).

WHITE KHANAKO IN MEDIEVAL KHOREZM

G. Khozhaniyazov

The article describes new materials about the unique object of medieval Khorezm. Complex White Khanako Mizdahkan built in honor of Seyda descendants of the prophet Sheikh Suleiman Haddadi Museve and is located on the territory Hegelism district of the Republic of Karakalpakstan (Uzbekistan). Apart from

Khanako, the complex includes summer and winter mosques, a kitchen and other facilities. The analysis of the collected material from the excavation allows us to distinguish the Khorezmshakh and Golden Horde periods.

Keywords: archaeology, White Khanako, Khorezm, Mizdahkan, settlement, Karakalpakstan (Uzbekistan)

About the Author:

Khozhaniyazov Gayratdin. Candidate of Historical Sciences, Research Institut of Humanities of Karakalpak branch of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Berdakh Av., 41, Nukus, 230100, Uzbekistan.

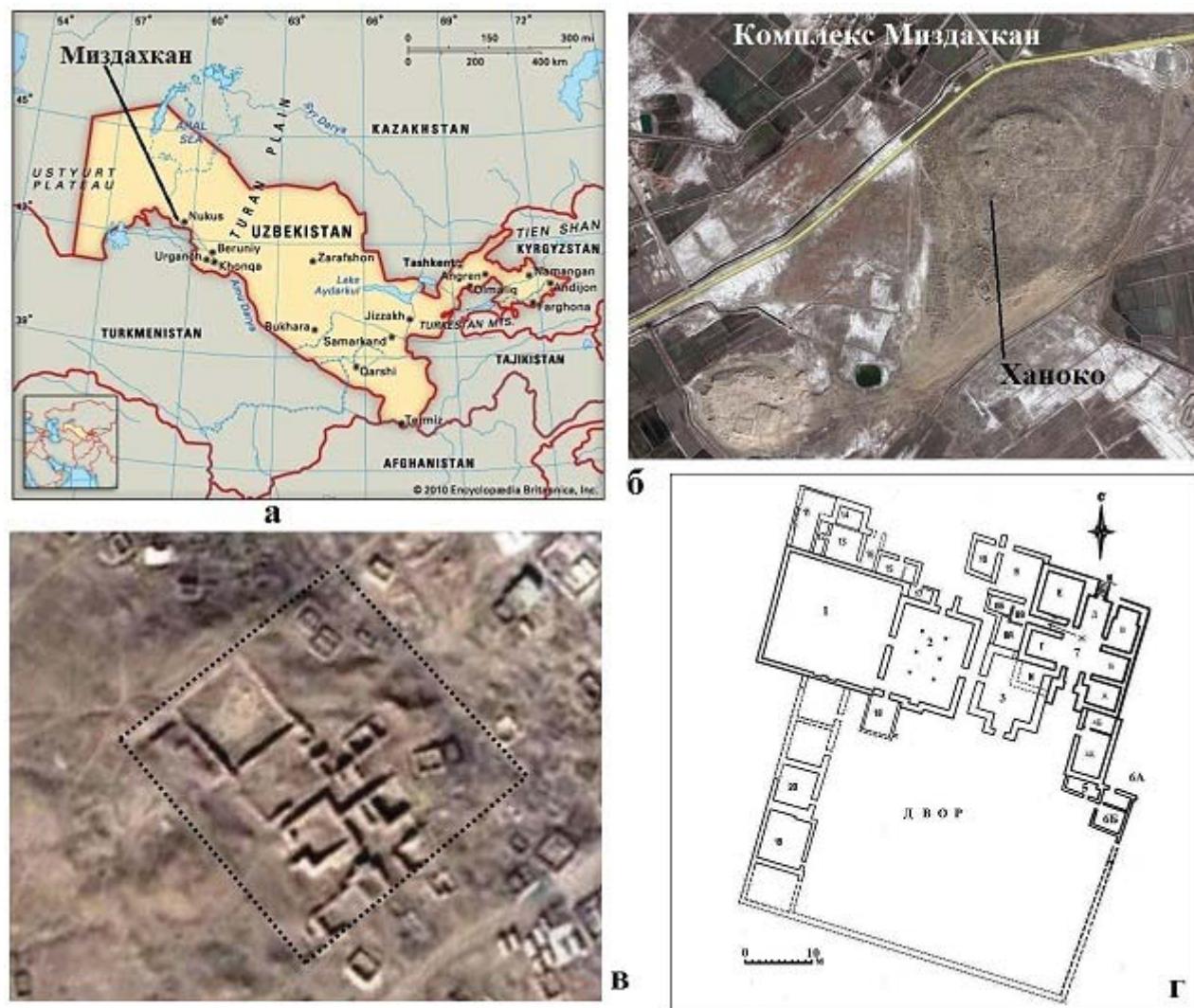

Рис. 1.

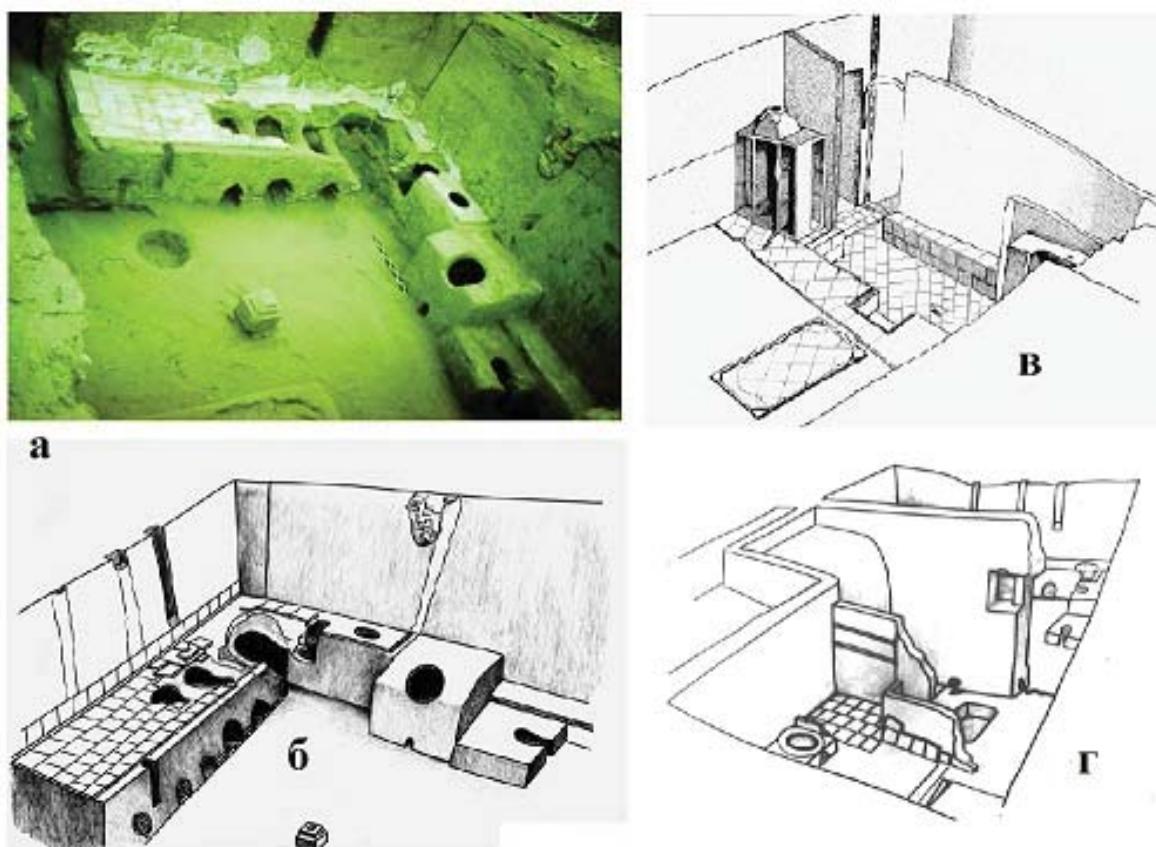

Рис. 2.

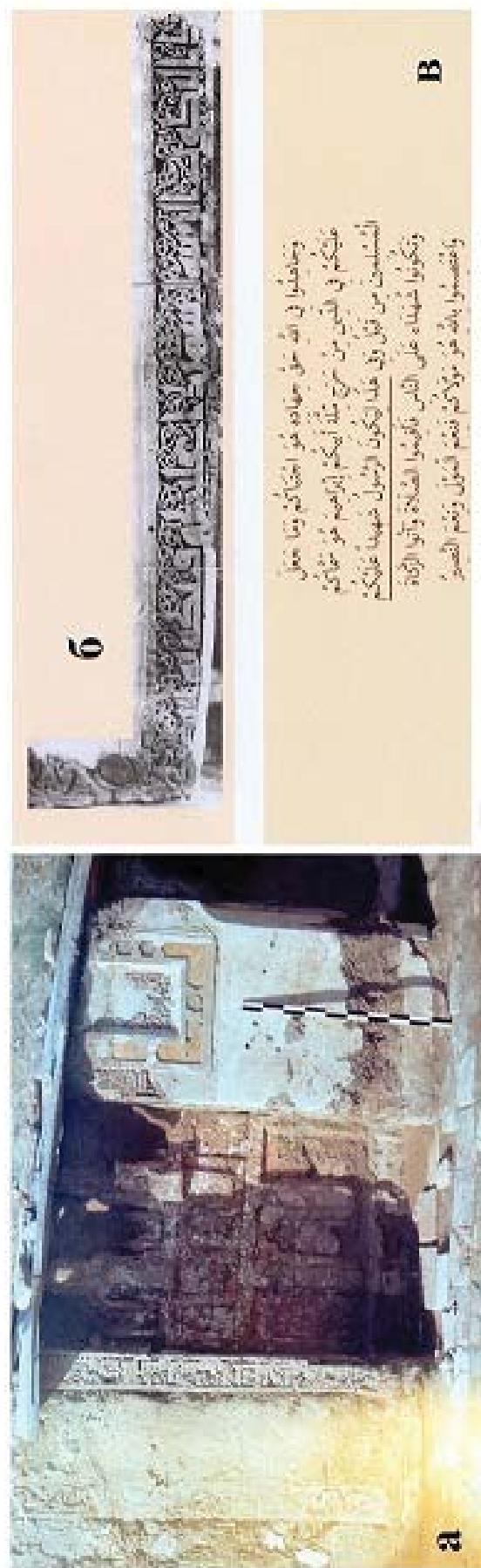

Рис. 3.